

Я - ВОП
В ЗАКОНЕ

Сергей ЗВЕРЕВ

Я - ВОР
В ЗАКОНЕ

БОЛЬШАЯ
СТРЕЛКА

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-43

Зверев, Сергей Иванович.

3-43 Большая стрелка / Сергей Зверев. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 320 с. — (Я — вор в законе).

ISBN 978-5-699-96896-1

Полковник Гурьянов — специалист экстра-класса по диверсиям. Во время боевых действий просто незаменимый человек. Но кто знает, как распорядится судьба в мирной жизни. Жестокий и напрочь лишенный человечности криминальный авторитет по кличке Художник приказал своим подручным убить родного брата Гурьянова. Случилось так, что погибла и вся семья брата. Полковник понял: только месть может облегчить его боль. Конечно, в одиночку идти на хорошо вооруженную банду глупо. Но Гурьянов знает, как воевать с превосходящими силами противника...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Рясной И., 2017
ISBN 978-5-699-96896-1 © Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Часть I

РАССТРЕЛ

Этот звук Никита Гурьянов никогда не спутает ни с каким другим. Подобная «музыка» сопровождала его многие годы. Били из «калашей» — минимум с двух стволов. И патронов не жалели.

Он нажал на тормоз, поймав себя на том, что рука тянется к автомату, а тело готово прийти в движение. Вот только автомата под рукой не было. И сидел Гурьянов не в БТР, а в потрепанной черной «Волге».

Сердце сдавило от недобрых предчувствий. Полковник Гурьянов немного сбросил скорость, а потом нажал на акселератор, и машина устремилась вперед.

«Волга», влетев колесом на тротуар и едва не задев урну, свернула во двор, окаймленный высотными кирпичными домами. В сознании Гурьянова билась одна мысль: «Господи, пожалей, только не это...» Но внутри уже засела заноза — предчувствие обрушившейся беды.

Когда «Волга» со скрежетом затормозила у изрешеченного пулями «Сааба» изумрудного цвета, киллеров и след простыл.

Гурьянов бросился к вывалившемуся из салона водителю. Тот скреб по асфальту окровавленными пальцами.

— Как же так, Костя?.. Как же так?.. — выдавил Гурьянов, нагибаясь над водителем и кладя его голову себе на колено.

Глаза раненого стекленели. Он попытался что-то сказать, но из простреленного легкого вырвался только хрип. На губах выступила кровавая пена.

— Ники... — все-таки выдавил он едва слышно. Из последних сил добавил: — Вика... У нее...

Он замолчал. Теперь уже бесповоротно. И мир вокруг Никиты покрылся льдом, холод от которого продрал до самого сердца. А сердце ныло тупой болью...

Гурьянов аккуратно опустил голову убитого на асфальт, подошел к задней дверце «Сааба».

Пули «калаша» без труда дырявят борта машины. И их смертельные укусы наступают беззащитных, открытых и желанных для них жертв.

— Лена.. — Гурьянов судорожно вздохнул.

Жена Кости Лена и его дочь Оксана тоже были здесь. На каждую пришлось не меньше пяти пуль.

Гурьянов сжал кулак, ударил по капоту «Сааба», оставив на нем вмятину, и прислонился лбом к крыше автомобиля. Он ничего не мог поделать — из его глаз покатались слезы.

Когда взвыла сирена и во двор лихо завернул милицкий «Форд» с надписью «патруль города», полковник полностью взял себя в руки.

— Вы кем приходитеесь потерпевшим? Сосед? — деловито осведомился старший лейтенант милиции.

— Брат, — сказал Гурьянов.

«У меня был брат», — подумал он. И это слово «был» подвело жирную черту, отделило его от близких людей. Теперь их нет на этой Земле. Они всего лишь были...

* * *

Художник обмакнул перо во флакон с красной тушью и сделал несколько завершающих штрихов на ватманском листе. И цокнул языком, с удовольствием оценивая свое творение.

Пожалуй, больше всего в жизни он любил этот сладостный момент, когда на бумаге проступает образ, который неясной тенью до того был закован в таинственных пространствах сознания и просился на свободу.

— Отлично, — похвалил себя Художник. — Кое-что можем.

Любимая его тема — вервольф. Лицо с точеными правильными чертами, в котором начинают проступать черты зверя. Вот сейчас зубы обнажатся, станут острыми как бритвы. Изменятся глаза, и то, что раньше глубоко дремало в них — настороженность и хищность зверя, — станет их сущностью. Покроет кожу жесткая шерсть. И уже волк готов к броску...

За последние годы он создал целую галерею яростных оборотней. Человек-волк. Волк-человек. Как ни крути — в последние годы в жизни Художника все крутилось в этой круговерти. Он любил волков...

У него было какое-то непонятное, томное, ностальгическое настроение. Лицо волка навеяло образы прошлого. В сознании возникло лицо Бузы, казавшегося тогда, много лет назад, воплощением всего зла этого мира. И вспомнился соленый вкус крови во рту — своей крови...

Было Художнику тогда четырнадцать лет. Он привычно прогуливал три последних урока и рисовал на берегу Гавриловского пруда старинную церквушку. Шпанята из третьей школы тоже убежали с уроков.

— О, бумагомарака, — завопил один из них, низкорослый, тщедушный и шустрый, подскакивая к Художнику и тыкая грязным пальцем в чистый лист, на котором только начинала обретать контуры церковь.

Художник оттолкнул грязную лапу. Но тут подошли остальные. Шесть пацанов находились в таком веселом расположении духа, когда кажется забавным кого-то унижить.

Щелбан по макушке залепили Художнику такой, что слезы выступили из глаз.

Третья школа являлась оптовым поставщиком малолетних преступников для спецПТУ и воспитательно-трудовых колоний. И связываться с ее питомцами было себе дороже.

— Что я вам сделал? — обиженно воскликнул Художник.

Но ничего и не требовалось делать. Надо было только оказаться у них на пути. Ведь шобла — это не просто группа людей. Это некое самостоятельное жестокое существо.

Громкий гогот, глупые подначки. Художника повалили на траву. Кто-то залепил ему башмаком по ребрам.

— Не надо, — попросил он, понимая, что делает ошибку. Шоблу нельзя ни о чем просить. Шобле нравится, когда ее просят, когда боятся, когда унижаются перед ней. Тогда она становится еще агрессивнее.

— Кого-кого ты на х... послал? — завопил предводитель — толстомордый пятнадцатилетний здоровяк, гроза третьей школы и окрестностей, хронический второгодник Буза, нагибаясь и больно хватая Художника за ухо. — Художник! Репин, бля!

— От слова «худо», — поддакнул кто-то из шпанят, взял карандаш и поперек листа написал так хорошо знакомое слово из трех букв.

Художника затошнило от запаха, идущего от Бузы.

— Да пошли вы! — вдруг выпалил он.

— Ага! — Буза обрадовался и со вкусом плюнул в лицо жертве.

И Художник утратил контроль над собой. Будто волна приподняла его и понесла на своем гребне.

По комплекции он был раза в два меньше Бузы, но его кулак впился прямо в эту отвратительную морду, точно в нос. Буза от удивления и боли крикнул, отступил назад, споткнулся и упал.

На миг повисло молчание.

— Ну все! — прошипел Буза с яростью. — Ща тебя в морг свезут...

И шобла навалилась на Художника. Его вжали лицом в землю. Сначала ему пытались скормить рисунок, оторвав от него кусок, но потом от этой идеи отказались. Попинали ногами и связали руки проводом.

— Может, «машкой» сделаем? — Бузе шел шестнадцатый год, и он прекрасно знал, как это принято у взрослых уркаганов.

Он взял в горсть лицо Художника... И снова этот отвратительный запах... Художник впился в эту лапу зубами, изо всей силы, так что брызнула кровь.

— Все, пидор! — Буза совсем озверел.

Художник дрался нередко, и чаще побеждал — не от силы и умения, а от бешеной злости. Но столь унижительно и жестоко его еще не били. Сознание начало уплывать.

— Кусается, бля! — Буза подпрыгнул, хотел приземлиться ногами на спину, но поскользнулся.

Художник поднял залитые кровью глаза, встретился с Бузой взором и понял одно — тот хочет его убить.

— Козел, — упрямо прошептал Художник...

— Буза, да хватит с этой мелкоты, — крикнул кто-то из пацанов.

Шобла теряла задор, понимая, куда идет дело.

— Бздите, да? — крикнул Буза.

В руке Бузы возникла тяжелая железяка типа лома.

Тут и послышалось задорное:

— Брысь, шкеты!

— Греби отсюда, мужик, — бросил Буза. Он был как не в себе. Ему хотелось использовать металлическую железяку. И он не думал, что будет дальше.

Художник перевел дыхание и прислонился к старой резиновой шине, которую ему недавно с кряканьем опустили на спину.

На берег пруда вышел невысокий, в кургузом пиджачке, небритый, с алкашным оттенком лица мужчина. Руки его были обильно татуированы. Глаза смеялись.

— Я кому сказал! Брысь! — прикрикнул он.

Шесть подростков. Да еще у одного металлический прут, у другого нож, у третьего бритва — это опасно даже для самого крепкого мужчины. Они начали окружать незнакомца.

— Бунт молокососов? — рассмеялся мужчина. И вдруг с быстротой кобры рванулся вперед, сграбастал первого попавшегося пацана, захватом зажал шею. Со шелчком вылетело лезвие ножа. — Его первого режу. А потом — как придется!

Пацаны застыли.

— Психованный. — Буза взвесил в руке прут.

— Ты вторым будешь, — пообещал мужчина.

Буза невольно отступил, что не укрылось от глаз его шестерок. Шобла колебалась. Шобла была испугана. А испуг шоблы легко перерастает в панику.

— Дядя, не надо! — истошно заорал заложник, когда лезвие надавило на шею.

Буза отбросил прут.

— Брысь отсюда, щенки! — Мужчина отшвырнул от себя пацана, надав ему пенделя, и подался вперед, взмахнув лезвием.

Тут и послышалось долгожданное:

— Атае!

И шобла рассыпалась в стороны.

Художник так и сидел, прислонившись к шине. И всхлипывал. Из носа и раны на голове текла кровь.

Неожиданный спаситель нагнулся над ним, взял за подбородок, посмотрел в глаза.

— Это ты дуrolому тому нос раскровянил?

— Я, — кивнул Художник.

— Хвалю, волчонок. — Мужчина поднял с земли папку для рисунков, отряхнул от комьев земли, взял порванный рисунок. — Знатно сделано.

Он разгладил бумагу и положил в папку. Быстро осмотрел жертву:

— Цел вроде. Вытирай сопли и пошли. Где живешь?

— За Фабричной. С матерью.

— Вот она обрадуется, — усмехнулся он.

— Ей все равно. Двенадцать часов. Она уже пьяная.

— Ну тогда давай ко мне...

Мужчина жил в Курееве — окраинном трущобном районе, состоящем сплошь из дощатых домишек — в большинстве самостроя. Здесь жило самое отпетое ворье города Дедова. Приезжали сюда гости из Ахтумска и даже из Москвы по каким-то блатным делам. Мораль у местных была простая: зону не топтал — ты не человек.

— Чаю? — спросил мужчина, когда они зашли в деревянный, с трехконным фасадом дом.

— Если вас не затруднит, — вежливо произнес мальчишка.

Мужчина заварил чай в алюминиевой кружке, вытащил блюдо с вареньем. Себе налил стопку водки, махом опрокинул ее, закусил грибочком:

— Хороша, отрава!

Художник размешал в кружке варенье, отхлебнул сладкого чая.

— Ну как? — спросил мужчина.

— Тошнит немного.

— Настучали по голове. Это бывает. Чай пей. Жидкости надо побольше.

Художник огляделся. Его поразила стерильная чистота в комнате. В углу стояла никелированная металлическая кровать, на стене висел ковер с оленями. Деревенский колорит.

— Как тебя зовут? — спросил хозяин дома.

— Андрей.

— А я — Анатолий. Фамилия Зименко. Люди Зимой кличут... Хорошо рисуешь. — Он открыл папку, любовался на рисунок церкви.

— Выбросите, — произнес сдавленно Художник.

— Почему? Не хочешь напоминаний?

— Не хочу! — Художник отодвинул от себя блюдце с вареньем и хотел подняться со стула.

Зима мягко, но настойчиво усадил его обратно со словами:

— Ты, пацан, должен в рамку повесить этот рисунок. Чтобы он всегда напоминал, что «хомо хомини люпус эст».

— Что? — удивился Художник и посмотрел в смеющиеся глаза Зимы.

— В переводе с языка древних римлян означает сие, что человек человеку волк — это была единственная фраза, которую Зима знал по-латыни. — Не согласен?

— Не знаю, — пожал плечами Художник.

— Знаешь, эти молокососы тебя бы убили. Им надо было убить. — У Зимы хищно раздулись ноздри. — Они щенки. А им хочется стать волками... Да, Андрюха, человек человеку волк. Чтобы выжить, нужно быть самым свирепым волком.

— Я не знаю. — Художник поморщился от боли в ребрах.

— Правильно. Ты пока вообще ничего не знаешь. Вот я тебе и объясняю.

— Зачем?

— Потому что я тебе жизнь спас. И теперь ты принадлежишь мне, со всеми потрохами... Да шучу. — Зима сказал таким тоном, каким не шутят. — Ладно. — Он опять улыбнулся, и Художник поймал себя на мысли, что этот человек ему нравится. — Приходи, как скучно станет, волчонок...

Художнику не хотелось снова приходить сюда. Зима и притягивал, и пугал его. Но через три дня ноги сами принесли его в Куреево. И снова они пили чай с

вареньем. Снова Художник услышал пространную лекцию о волках, стаях, травоядных, которые составляют большую часть человечества и созданы для того, чтобы волки на них охотились.

Дальше в судьбе Художника все складывалось, как и у тысяч таких же неустроенных пацанов. Зима таскал его с собой, притом не только в Дедове, но и в областной центр Ахтумск. В папиросном дыму, под слова фени и звон наполненных водкой стаканов мальчишка быстро научился понимать различия между гоп-стопниками и домушниками, узнал, чем отличается форточник от майданщика и какие нравы царят за колючкой. Немало наслышался он о самом болезненном для блатных текущем моменте — о новых то ли фраерах, то ли бандитах, которых прозвали «комсомольцами». Они жестоко, с жадным нахрапом, не боясь ни чужой, ни своей крови, часто не думая о последствиях, атаковали растущие как на дрожжах кооперативы. Тогда только начинало входить в обиход понятие «рэкет».

Зима подкармливал паренька — давал и продукты, и немножко денег. И наконец в жизни Художника произошло несколько судьбоносных и закономерных событий.

— Пора к делу приучаться, — заявил однажды Зима. — В десять вечера приходишь ко мне.

Этой ночью они подломили магазин.

— Учись, волчонок, — сказал Зима, раскладывая инструмент.

Художник светил фонариком, и в его бледном свете Зима принялся за несгораемый ящик, где должна была быть выручка и зарплата работников.

Ящик сдался через пятнадцать минут. Вытерев рукавом пот со лба, Зима распахнул дверцу, вытащил несколько тугих пачек денег и резко кинул:

— Двигаем отсюда в темпе вальса.

Увидев, что Художник хочет прихватить со стола какую-то безделушку, ударил его по руке и прикрикнул:

— Положь! Никогда не связывайся с вещами, если можешь взять деньги!

Когда они добрались до дома Зимы, Художник дрожал — не от страха, а от возбуждения. Ему казалось сейчас море по колено. Он пришел с первого своего дела!

При свете настольной лампы Зима вывалил на стол деньги. Казалось, что их очень много.

— Нравится? — спросил Зима.

— Неплохо.

— Третий — наводчику. Наводка верная. Человек работал.

— А если бы неверная была?

— Тогда бы он нам заплатил деньги. Если говоришь, что там должно быть десять тысяч, значит, отвечаешь за слова. Ясно?.. Ну и тебе перепадет... Или не перепадет, а?

Художник пожал плечами:

— Как скажешь.

— Правильно, волчонок. Не верь, не бойся, не проси. Вот, возьми, на мороженое, — от общей кучи Зима отмерил пачку. — Да бери, не укусят.

Уже позже, вспоминая эту добычу, Художник трезво осознавал, что была она не особенно велика. Но тогда он ощущал себя так, как если бы получил наследство от Рокфеллера.